

ПРИГЛАШЕНИЕ К МАСТЕРУ. ДИНАМИКА ИНВАРИАНТА

Ю.И. Мирошников

Есть мыслители, которые достигнув интенсивным чтением определенного уровня эрудиции, творят как бы в свободном полете, как бы по наитию, не обращаясь более к чужому мнению. Такая характеристика совершенно неприменима к И.Я. Лойфману. Теоретические положения в его работах всегда — экстракт прочитанного, обдуманного и проведенного через собственную Лойфмана лабораторию, сквозь горнило структурно-функционального метода исследования фундаментальных научных понятий, научной картины мира, материалистического мировоззрения, универсалий культуры.

Лойфман — феноменальный книголюб, «поглотитель» информации из бумажных, электронных и прочих источников. Дома он часто работает (к примеру, просматривает рукописи) при включенном телевизоре. *Modus vivendi* флюгера — вращаться, чтобы не заржаветь — вполне когерентен образу жизни почтенного профессора. Он всегда в центре смыслового круга текущей литературы. Никто не сравнится с ним в способности выудить необычную вещь с книжного прилавка. Ему известны не только новинки философской литературы, уже увидевшие свет, — со многими изданиями он знакомится на стадии рукописи, а то и замысла. Тут нет преувеличения: с его помощью 24 ученых стали докторами философских наук, при его содействии задуманы и написаны десятки монографий. Нередко философов обвиняют в отрыве от реальной жизни. К Исааку Яковлевичу это никак не относится. Он, подобно Анне Ахматовой, мог бы сказать: был «тогда с моим народом, // Там, где мой народ, к несчастью, был».

Небольшая книжица в неполных сто страниц отражает сложный духовный путь, который страна прошла за последние четыре десятилетия. Если попытаться определить нынешнюю философскую позицию автора, было бы неправомерно определять ее как марксистскую, тем более ортодоксально марксистскую. И.Я. Лойфман сделался профессиональным философом и присоединился к традициям марксистской литературы в начале 60-х годов как физик, не только не убоявшийся метафизики, но горячо возлюбивший ее. То было романтическое время, когда мысли физиков на крыльях фантазии устремлялись в туманную поэтическую и метафизическую даль и уносились прочь, за пределы физической реальности. Величие и парадоксальность физической картины мира, развернувшейся на лекциях по квантовой механике С.В. Венесовского, увлекли и заворожили молодого ученого, определив окончательный выбор. Учитель физики, девять лет проработавший в общеобразовательной школе, стал преподавателем философии, одним из основателей философского факультета в Уральском государственном университете.

Мировоззренческая траектория последних сорока лет жизни Лойфмана — медленный, но неуклонный дрейф от философии природы к философии культуры. Свидетельством тому как раз и служат «Мировоззренческие штудии», включившие в себя избранные статьи, начиная с 60-х годов. Как

Юрий Иванович Мирошников,
зав. кафедрой философии УрО РАН,
доктор философских наук

предупреждает сам автор, его «Штудии» отражают развертывание мысли по линии «общенаучные категории — научная картина мира — мировоззренческие универсалии культуры» (с.4).

Азимут лойфмановского дискурса, на мой взгляд, — это угол отклонения от меридиана марксизма. От взгляда на философию как на поле борьбы классовых сил и от представлений о существовании философии прогрессивной и реакционной (в советские времена реакционными объявлялись целые течения и даже эпохи) мысль «Штудий» эволюционирует к тезису о том, что философия в различных ее вариантах способна помочь мировоззренческому самоопределению личности, выступая в качестве необходимого условия духовной свободы. Между философией и духовной жизнью личности существует глубинная связь. Каждая личность полноправна в выражении своей особой философской позиции. Так, автор «Штудий» утверждает: «Многоголосие — характерная черта философии. Мир философии полифоничен» (с.36).

Согласно ортодоксальному марксизму, основные способы философствования обусловлены классовыми позициями мыслителей и основной вопрос философии (об отношении сознания и материи) существует для того, чтобы однозначно определить, с каким мыслителем мы имеем дело: с материалистом, отстаивающим интересы угнетенных, или с идеалистом, служащим верой и правдой эксплуататорам. Схема, что и говорить, чрезвычайно удобная и простая, но дело в том, что однозначно развести хотя бы известных европейских философов по двум «лагерям» невозможно. Попробуйте-ка честно приложить эту схему к таким великим умам, как Аристотель, Декарт, Кант, Гегель... Да имеет ли смысл сегодня вообще озадачиваться вопросом о первичности? Характерная примета нашего времени: из учебной литературы понятие основного вопроса философии исчезло. Но вопрос вообще — типичная форма философского мышления, вопрос фиксирует внимание на непознанном, мобилизует интеллект на решение обнаруженных проблем. Не-

возможно забыть знаменитые кантовские вопросы: что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?

Как решается эта теоретическая и вместе дидактическая проблема в системе мировоззренческих координат И.Я. Лойфмана?

Исаак Яковлевич исходит из того, что генеральным предметом философского познания выступает «феномен бытия человека в мире» (с. 34). Задача философии заключается в исследовании сущности бытия человека в мире, которая «вскрывается на уровне предельных оснований цельности, смысла человеческой жизни» (с.34). Вот он главный вопрос философии, ответ на который формулируется поразному, в зависимости от избранных предельных оснований (природа, Бог, общество, индивид). «В зависимости от принятого основания формируется тот или иной способ философствования со своей предметной областью исследования — феномена бытия человека в мире, смысла человеческого существования и назначения собственно философии. Таковы зародившиеся в древнегреческой философии и широко представленные в философии XX века натурализм, теоцентризм, социоцентризм, антропологизм» (с. 34). Сегодня, с позиций автора «Штудий», в дискуссии фундаментальных взглядов полноправное место занимает и теоцентрическое мировоззрение с его трактовкой основного вопроса как вопроса об отношениях Бога и человека. Отечественной культуре возвращено слово «Бог» с большой буквы, и это далеко не всем в нашем научном сообществе пришлось по душе. Даже материализм от понятия Бога не отказывается, ибо, как пишет автор, «в материалистической трактовке Бог есть воплощение человечности, общечеловеческих духовных ценностей» (с. 34).

Сотрудники Лойфмана утверждают, что он принадлежит к тому разряду людей, что не испытывают в своей жизни резких мировоззренческих переломов. Пожалуй, это верно, но лишь по форме. Дело в том, что Исаак Яковлевич, судя по всему, обладает «наносным» мышлением, свойственным, например, Ч. Дарвину (см. автобиографию великого эволюциониста «Воспоминания о развитии моего ума и характера»). Иногда, созерцая спокойную гладь старицы, любясь задумчивым видом живописных берегов, путешественник не догадывается, что река давно течет по новому руслу и лишь раз в несколько лет освежает остановившиеся воды. В советские времена сложилось представление о стабильности исходных посылок учебного материала лойфмановских лекций по философии. В ту эпоху неоднократно (каждые пять лет) возвращаясь в знакомые стены Института повышения квалификации — основное место работы И.Я. Лойфмана, — я на себе испытывал «убаюкивающий» эффект знакомых пассажиров — о видах материи и формах ее движения, об отражательной сущности сознания, парности категорий диалектики и т.д., и т.п. Но это была школа, прописи, предмет обязательного усвоения, основа философской традиции, позволяющая передать опыт следующим поколениям. Те, кто слушал лекции Лойфмана, объединены этими штудиями в «незримый лойфмановский колледж».

Если говорить об истоках программы этих штудий, необходимо помнить, что в 60-е гг., когда будущий ректор «незримого колледжа» начинал философскую карьеру, в советской философии

шла отчаянная борьба между онтологами и гносеологами. Понятно, чью сторону в этой борьбе, догнавшей нешуточного накала, занимал Лойфман. Онтологическая проблематика в его творчестве составляла неоспоримую доминанту. В «Мировоззренческих штудиях» кое-что сохранено с той далекой поры: например, «О принципе совмещения в атомистике М.В. Ломоносова». Кандидатская диссертация И.Я. Лойфмана, защищенная в 1962 г., называлась «Историческое развитие и философское значение категорий притяжения и отталкивания». В 1975 г. он защитил докторскую, и ее титул тоже говорит за себя: «Принципы физики и философские категории». Таким образом, онтологическая тема долгие годы твердо держалась в центре его исследований. Однако уже в одноименной с диссертацией монографии, увидевшей свет в 1973 г., обратила на себя внимание глава «Научная картина мира как система методологических принципов науки», обозначившая явный сдвиг интересов автора в сторону гносеологической (или, как выражаются сегодня, эпистемологической) проблематики. Этот крен со временем становился все более очевидным, хотя Лойфман никогда не отказывался от предоставлявшихся возможностей вернуться к онтологическим увлечениям молодости. «Круговороты неизбежны», — один из многочисленных афоризмов Исаака Яковлевича.

В 90-е гг. зарождается интерес Лойфмана к философским проблемам культуры. От философии, ядро которой для него в былые годы исчерпывалось онтологией и гносеологией, он переходит к такой ее более сложной модели, которую невозможно построить без аксиологических оснований. Сегодня он разрабатывает с обязательной привязкой к ценностным понятиям единые структурные комплексы сознания, мировоззрения, деятельности (с.5, 23, 33). Характерное название статьи из «Штудий»: «О ценностном сознании верха и низа в науке». Даже в 80-е гг. подобная работа была бы для него невозможной.

Стоит отметить, что ступив на культурологическую стезю, Лойфман вовсе не следует модному течению мысли. Так, например, для него неприемлем постмодернистский подход к культуре: «В противовес постмодернистской эпистеме разрушения, абсолютизации всякого рода разрывов и разломов, рассеяния и гетерономности, материалистическая диалектика утверждает единство тождества и различия» (с. 45). Речь идет о тождестве и различии между природой и обществом (цивилизация как мера освоения природы обществом), между обществом и личностью (культура как мера человечности общества) и т.д. (с. 45, 48, 49). Главное же возражение постмодернизму вытекает из бережного отношения Лойфмана к традиции и школе. Он движется вперед, как двуликий Янус, — напряженно глядящаясь в будущее, ни на минуту не теряя из виду прошлое. В прошлом ему дороги онтологизм, гносеологический реализм, социальная ориентация, то есть то, что свойственно и диалектическому материализму, и русской религиозной философии конца XIX — начала XX века (с. 32). Это инвариант российской философской мысли — устойчивое, повторяющееся в изменчивом, вечное во временном. В будущем Лойфмана привлекает философия как «самосознание культуры и в этом смысле — ее вершина, ее живая душа» (с. 41).